

Папан

*«Летят года, как гроздь дима
И нам не раз придётся, брат,
Забывшись, номер карабина -
По телефону набирать!»*

Андрюха получил эту кличку курсе на четвертом училища, неизвестно за какие заслуги. Тогда он был холостой и не был никому отцом. Однако, так мы его и зовём до сих пор, а он не возражает, давно став дважды «папой». Весёлый, остроумный, добрый и прямодушный Папан стал моим другом на долгие годы, и я очень дорожу этой дружбой.

Столько «подвигов», сколько их совершил Папан, не дано повторить и десятку обычных искателей приключений. У него они получались как-то произвольно, сами собой. Папан всегда рассказывал о своих приключениях «в красках» не стесняясь смеяться над собой и своими «фокусами».

Его батька (ныне покойный, Царствие ему Небесное), тоже был большим оригиналом и Папану было у кого поучиться. Однажды батя ехал на своих «Жигулях» по шоссе на родину, в Лодейное Поле. Дело было в годы «застоя и разворота», бензин периодически становился дефицитом, а бензоколонок на трассах было очень мало. Так вот, Папанин батя, видя что бензин кончается решил заправиться и заехал на заправку.

Вставив «пистолет» в бензобак своих «Жигулей», батя подошел к окошку кассы: *«Мне 20 литров!»*

«Нет у нас бензина, и не будет сегодня»,- услышал он из «амбразуры» неприветливый голос.

Батяня страшно расстроился и вернулся в машину. Хлопнув дверцей, он поехал в сторону дома, благо до него было не очень далеко. Бензина в баке как раз хватило.

Каково же его было изумление когда, подъехав к гаражу, батя обнаружил торчащий из горлышка бензобака *заправочный пистолет и кусок оборванного шланга!!!* Он даже порывался поехать обратно на заправку и вернуть «трофей», но матушка Андрюхи, понимая, чем может закончиться «визит вежливости», сумела батю отговорить. Пистолет долго хранился в гараже, а батя старался не заезжать на ту заправку.

Папан первый раз поразил нас как-то вечером в воскресенье. Те, кто не попал в увольнение, имели «личное время». Обычно в это время смотрели телевизор, читали, разговаривали, желающие могли поспать в кроватях. Армейская жизнь приучила нас ценить время сна и мгновенно засыпать в кровати, при первом удобном случае. Например, при подготовке к наряду или караулу разрешалось поспать днём 40 минут. При этом в казарме ходили, разговаривали, а то и орали десятки курсантов. Это совершенно не мешало.

Только голова касалась подушки и «нарядчики» засыпали так крепко, что некоторых с трудом будили через эти несчастные 40 минут.

Спал и Папан, слегка похрапывая. Мы рядом разговаривали, обсуждая какую-то «мировую проблему». Вдруг Папан повернулся на спину и вытянул руки вверх.

«*Живот!!!*» - заявил он каким-то не своим голосом. Мы сначала подумали, что Папан проснулся и так шутит и начали задавать ему разные вопросы. Но оказалось, что Папаня крепко спал.

«*Живот!!! Я держу живот!!!*» - снова громко провозгласил Папан, не опуская рук, как будто действительно держал чей-то живот. Мы засмеялись и растолкали держателя живота. Он проснулся злой, обматерил нас и отказался что-либо комментировать про живот. Даже сейчас, 30 лет спустя, нет лучшего способа испортить Папану настроение, чем бестактно поинтересоваться, чей тогда живот он держал.

После училища мы с Папаном оказались вместе в одной радиотехнической бригаде. Штаб её находился в Тайцах. Папан сам был оттуда родом и познакомил меня со своими друзьями. Мы регулярно собирались всей компанией в большой квартире нашего друга Михалыча. Его батька служил когда-то заместителем начальника штаба армии, и квартира была большая в «генеральском» доме. Гостеприимная матушка Михалыча была рада гостям и у них мы справляли наши праздники, когда на улице была зима или плохая погода.

Иногда к нам «на огонёк» заходили соседи и тоже выпивали с молодёжью.

Как-то пришел начальник штаба генерал Новокщёнов Ян Алексеевич.

Мужик он был хороший. Выпив с нами рюмки три, он сказал:

«*Хочу сообщить вам, молодежь, **четыре постулата:***

1-й. Плохой водки не бывает. Бывает водка хорошая и очень хорошая.

2-й. Много водки не бывает. Бывает мало закуски.

3-й. Старых и некрасивых женщин не бывает. Бывает мало водки.

И 4-й. Чем лучше вечером, тем хуже утром!!!»

После чего, под наш смех отправился домой. «Постулаты» его мы потом часто вспоминали.

Новокщенова очень уважали в управлении армии после одной истории.

Прибыв в армию на высокую должность, он стал вникать в дела и засиживаться по вечерам в кабинете. В армии (да думаю и не только в ней) существует неписанное правило – пока начальник не ушел, подчинённому уходить без разрешения, даже после окончания рабочего времени, не принято.

Соответственно стали засиживаться и его заместители, начальники управлений и отделов и ниже «по цепочке». Однажды вечером, выходя из 4-х этажного здания штаба, он увидел, что во многих окнах горит свет, и поинтересовался у дежурного по управлению причиной. Тот объяснил, что мол офицеры стараются, горят служебным энтузиазмом и доделывают в личное время то, что не успели сделать в рабочее.

«Хорошо, перепишите мне всех, кто сейчас работает», - ответил начальник штаба. Дежурный, после его ухода, сообщил всем эту команду и приступил к «переписи». Все, конечно решили, что оставшиеся будут поощрены за проявленное служебное рвение и начали радостно записываться. Эта весть мгновенно разлетелась по городку и некоторые из тех, кто успел уйти, звонили дежурному и просили их тоже, «по дружбе» записать, как работавших.

В пятницу вечером была традиционная «читка приказов» и все записанные ждали, «какая ж мне награда-то выйдет?», говоря словами известного киноперсонажа.

Новокшенов «огласил весь список» названные офицеры встали, готовясь грянуть «Служу Советскому Союзу!». Генерал осмотрел их и сказал: «Ладно я сижу до восьми вечера. Я тут человек новый, вхожу в курс дела, да и семья пока не приехала. А вы почему сидите после окончания работы?! Сейчас не война, надо всё стараться успевать делать в рабочее время. Впредь всех, кто будет уходить из штаба позже меня – записывать и докладывать мне. Если офицер не успевает исполнять свои обязанности в рабочее время – значит, не умеет работать и нечего ему делать в управлении армии. Отправим в войска. Пусть учится!»

Это была нешуточная сенсация. Обычно, начальники наоборот поощряют стремление подчинённых «засиживаться» на службе, надо и не надо.

В другой раз, когда мы встречали Новый год, часов в шесть утра к нам завалился генерал Бородков, тоже сосед Михалыча. Он был прилично поддатым, однако пил стопку за стопкой несмотря на довольно субтильное телосложение. Кроме того, он нёс какую-то ахинею и поругивался матом, что в нашей компании при женщинах никогда никто себе не позволял. Среди наших «гражданских» друзей стала зреть идея набить ему морду, невзирая на звание. Матушка Михалыча, видя обострение обстановки, слетала за женой Бородкова. Та пришла, и между ними состоялся памятный диалог:

- «Коля, пойдём домой, ты уже много выпил. Тут одна молодежь, чего тебе с ними делать?»

Бородков, глядя на неё с нескрываемым презрением:

«Не шуриши лаптями!!!»

-«Коля, ты сегодня ответственный, тебе к 8-ми на службу, пойдём домой!»

- «Не шуриши лаптями!!!»

В таком духе они продолжали дискутировать минут 10. Чтобы спасти праздник от неминуемого скандала, я предложил налить Бородкову «на посошок» бокал «со спецзарядом». (Была у нас припасена бутылка чистого спирта, на всякий случай). Тот его выпил, ничего не подозревая, и ему «захорошело». После этого мы помогли жене отвезти его домой и продолжили праздновать.

В «Гречицко – Бургундскую» бригаду Папан пришел на должность замполита 8 дивизиона, того самого, где некогда командовал легендарный Кутынцев.

Дивизион имел позывной «Зажимщик», так по позывным дивизионы обычно и называли. Бытовые условия там были очень тяжелыми, но Папан не унывал, посвящая свободное время рыбалке и сбору грибов. Зимой развлечений было меньше ввиду суровости климата и дикости места.

С началом горбачёвской «борьбы с пьянством» обстановка ещё усложнилась. Борьбу с Бахусом приходилось вести в условиях строжайшей конспирации. Зимним вечером к Папану в гости приехал замполит технического дивизиона *Назар Гудищев*. По случаю встречи приятели «приняли на грудь по поллитра водочки и планировали продолжить приятный вечер за этим занятием. Внезапно, Папану позвонил его командир дивизиона и сообщил, что приехал начпо бригады *Никита Сергеевич* для участия в партсобрании дивизиона. Папан совсем забыл, что на вечер было запланировано это собрание, в повестке дня которого стоял один вопрос: «*О мерах по усилению борьбы с пьянством*».

Если бы не приезд Никиты Сергееича, партсобрание просто перенесли бы, а тут назревала катастрофа.

Пришлось экстренно трезветь, съесть весь запас чеснока для отбития алкогольного «амбрэ» и отправляться на собрание, где Папан был ещё и докладчиком!

«*Самое интересное - я закатил экспромтом такой доклад, что меня даже Никита Сергееич похвалил*». (Никита Сергееич - Папана откровенно недолюбливал).

«*Обрушился на это социальное зло, показал весь его вред и призвал быть непримиримым к пьянству*» - вспоминал Папан. «*Никита Сергееич в своём выступлении меня похвалил и даже не заметил, что я на приличной «кочерге*».

Действительно, на утренней «радионяне» Никита Сергееич отметил партсобрание на «Зажимщике», как хорошо подготовленное.

Надо вкратце сказать и про *Назара Гудищева*. Он славился умением мгновенно засыпать на всех совещаниях и собраниях, а уж в автобусе спал, как убитый, всем нам на зависть. Однажды мы ездили на сборах на автобусе по дивизионам бригады и к исходу третьих суток все порядочно устали. Лучше всех чувствовал себя Гудищев. Едва он сел на сиденье автобуса – сразу засыпал и, по приезду на место очередного занятия, его приходилось расталкивать. Мы с Папаном решили над Гудищевым подшутить. Мы сидели в хвосте автобуса, в проходе каталась тяжеленная 32-х килограммовая гиря, которую солдат - водила возил для какой-то надобности. Гиря нам порядком надоела. У ног спящего Назара стоял его огромный кожаный портфель, который он всегда брал с собой на сборы.

В его портфель мы и затолкали, с немалым трудом, эту двухпудовую гирию. Назар спал без задних ног и ничего не видел. Тут автобус подъехал к его дивизиону.

«Назар, вставай! Хватай мешки, вокзал отходит!!!» - заорали мы ему. Полусонный Гудищев схватил свой драгоценный портфель и вылез из автобуса.

До сих пор удивляюсь, как у него не оторвалась ручка. Крепко всё-таки шили портфели в советское время!

Уже на улице Назар проснулся окончательно и полез в портфель, видимо поражённый его весом. Глядеть на выражение его лица, когда он достал оттуда гирю, не было никаких сил, и все участники сборов покатались со смеху. На наше счастье, автобус уже тронулся в путь, и попытка Гудищева запустить в нас гирей – провалилась.

Самым ярким подвигом Папана на «Зажимщике» - был «*поджог штаба*». Так это событие вошло в историю бригады. Конечно, никакого «поджога» в прямом смысле слова не было, но «*чепуга*» вышла – знаменитейшая.

На территории его дивизиона стояло кирпичное 2-х этажное здание старинной постройки. До войны там базировался полк гидросамолетов Балтфлота, и это здание приспособили под штаб полка. После войны полк оттуда убрали и до 1968 года полуразрушенное здание – пустовало.

После того, как за одну ночь там развернули дивизион, здание, с грехом пополам, отремонтировали «хапспособом». В нём расположили штаб дивизиона: секретную часть, классы, кабинеты и т.д.

Для дивизиона иметь отдельное здание штаба было неслыханной роскошью. Напротив штаба метров через 70 построили «сборно – щелевую» казарму, где был расположен Папанин кабинет (чтобы он находился поближе к личному составу).

1 декабря тогда в войсках начинался *новый учебный год*. Это событие обставлялось с невероятной «помпой» - писались конспекты, проводились показательные занятия, в подразделения из вышестоящих штабов выезжали многочисленные комиссии. Впрочем, 1-го же декабря, обычно весь учебный год и заканчивался, а со 2-го начиналась обычная рутинная жизнь и «текучка». Вот и на тот, памятный новый учебный год, нашу бригаду решила осчастливить своим прибытием окружная комиссия. Во главе её прибывал генерал Романешко, «*дядя Рома*», как мы его называли.

Мужик он был «грамотный», но крайне неприятный в общении и имевший отвратительные манеры. Любое его появление было сущим наказанием для командования частей и подразделений. Придирчивый, мелочный, имевший привычку читать все дурацкие планы и протоколы, он обладал хорошей памятью и горе было тому, кого «дядя Рома» невзлюбит. Не одну судьбу он шутя сломал в своё время...

Понятно, что весть о его посещении ввергла в панику *Никиту Сергеевича с Бабраком Кармалем*, а они наехали на всех нас по полной программе. Целую неделю, днём и ночью, мы готовились к визиту «дяди Ромы».

Накануне его прибытия выяснилось, что он решил сначала «поработать» в 8 дивизионе, у Папана. Хуже известия для Папана было – не придумать. Папан засел за бумаги.

Командир дивизиона, имевший красивую фамилию Бузырев (и кличку – «Бездарев»), решил показать генералу «товар лицом», и дал команду прогреть замерзшие батареи парового отопления в штабе паяльной лампой. Вроде бы всё прогрели хорошо, сам Бездарев контролировал процесс, но беда никогда не приходит одна...

Утром 1-го декабря я прибыл на свой КП на «радионяню» и был поражен выражением лица командира.

«Зажимщик» ночью сгорел!» - сообщил он мне.

«Весь?» - переспросил я потрясённо, - «Жертвы есть, что с людьми?»

«Да нет, все живы, даже казарма цела, но сгорел штаб, вся секретная библиотека, а главное - совершенно секретные блоки к «Паролю». Больше деталей не знаю»- ответил мне командир.

Это было мощнейшее ЧП.

Надо сделать небольшое пояснение. Для того чтобы можно было определить государственную принадлежность цели на экранах радиолокаторов, на всех самолетах и пароходах стоит аппаратура госопознавания, в просторечье именуемая «свой-чужой». Такая же, но только наземная станция, имеется в каждом подразделении ПВО. Для того, чтобы противник не мог сигнал подделать, его кодируют и шифруют. Эта аппаратура – самая секретная часть любого самолета.

Когда в 1976 году Беленко угнал свой МИГ - 25 в Японию, самый большой вред он нанёс нашей стране не расшифровкой ГТХ самолёта и его вооружения (это и так все кому интересно, у неприятеля - знают).

Американцам удалось изучить систему госопознавания «Кремний -2М», стоящую на самолёте. Она была «скомпрометирована».

В результате пришлось срочно разрабатывать и принимать на вооружение новейшую систему «Пароль» и заменять ей ставший ненужным «Кремний».

А это обошлось стране во многие сотни миллиардов тех ещё рублей...

И тут у Папана в дивизионе сгорают новейшие и секретнейшие блоки «Пароля»!!!

Дадим слово герою:

«Сижу я в кабинете, пишу какие-то бумаги к приезду «дяди Ромы». Вдруг вбегает дневальный: «Товарищ старший лейтенант, штаб горит!!!» (у Папана окна выходили на противоположную от штаба сторону казармы). Выбегаю – мать честная – и правда горит. Объявили «готовность №1», вызвали пожарников, позвонили к соседям - пограничникам за помощью. Куда там! Сухое здание штаба горело как спичка, через 5 минут к нему и на 20 метров было не подойти.

Из офицеров первым прибежал старый капитан, комбат стартовой батареи. Он так рыкнул на своих «отличников», что они умудрились выломать стальные решетки на окнах класса стартовой батареи и вынести стенды с картинками ракет, пусковых установок и транспортно - заряжающих машин. Это было единственное, что удалось спасти из горящего штаба.

Огнетушители мы использовали свои все, даже с пусковых установок снимали. Привезли свои огнетушители и пограничники с соседней заставы. Всего мы их потом насчитали 165 штук. По-настоящему, струёй из них поливали от силы десятков. Остальные – или «писали» стружкой, как маленький ребёнок, либо просто уныло шипели. Мы их кидали в окна горящего штаба на всякий случай.

Пожарники из Усть Луги приехали к утру, когда уже обвалилась крыша и упали стены. Они залили остатки пожарища водой и уехали обратно.

Утром к нам прилетели два вертолета с кучей генералов и полковников.

Такого количества генералов – «особистов» и «восьмёрочников» я не видел никогда в жизни.

Их всех интересовало только одно: не был ли пожар умышленным поджогом, с целью скрыть следы предположительно похищенных нами с Бездаревым, блоков «Пароля». Все их полковники, из свиты, увлеченно копались в дымящихся развалинах штаба. На наше счастье к обеду нашлись все расплавленные останки секретных блоков. «Особисты» повеселели и успокоились.

«Пароль» не был скомпрометирован и они потихоньку улетели обратно, оставив нас на попечение местного начальства и прибывшего «дяди Ромы».

«Дядя Рома» после этого решил взяться за меня. Он пришел в мой кабинет и приступил к экзекуции.

«Предъявите мне планы партполитработы - перспективные и ежемесячные!» - потребовал «дядя Рома». Планы у меня были написаны, и я готов был их показать. Только и в обычной-то ситуации «дядя Рома» нашел бы в них 100 недостатков, а уж после пожара...

Роль сейфа, где положено было хранить всю драгоценную документацию, у меня играл старый, обшарпанный и неработоспособный холодильник «ЗИЛ», оставшийся в наследство от предшественников. Вместо колбасы и молока я хранил в его недрах все планы и протоколы.

И тут меня осенило: *«Планы сгорели в здании штаба!»* - сообщил я ненавистному генералу со скорбью в голосе.

«Предъявите протоколы партийных и комсомольских собраний!!!» - не унимался «дядя Рома».

«Протоколы тоже – сгорели!!!» - нащупал я путь к спасению.

«Как они там оказались?» - не сдавался и «дядя».

«Готовились к Вашему приезду, собрал на проверку и запер в сейф всю необходимую документацию» - ответил я ему.

«Дядя Рома» явно не ожидал такой подлости с моей стороны, проверять ему было решительно нечего.

«Почему сейф не в кабинете был? Вон какой холодильник поставил. Совсем скромность потерял!!!» - уже больше по-инерции разорвался генерал.

Я напрягся, как бы он сам не полез в этот холодильник, где и лежали все «сгоревшие» документы. Но «ЗИЛ» имел такой затрапезный вид, что «дядя Рома» побрезговал к нему прикасаться.

«Пойдёмте смотреть Вашу ленинскую комнату!» - не унимался «дядя Рома». Это осложняло ситуацию. Ленкомната была в казарме и от пожара не пострадала.

(Но дверь в ленинскую комнату Папаниного дивизиона была «с секретом». Бойцы раздолбали ручку, и она держалась «на соплях», да и поворачивать её надо было не вниз, а вверх. Иначе она могла выскочить из двери. «Свои» всё это знали и привыкли открывать дверь аккуратно).

«Дядя Рома» подошел к ленинской комнате и дёрнул ручку вниз. Она тут же оторвалась и оказалась у него в руке.

Это переполнило чашу терпения «дяди Ромы». Он с силой «хряпнул» эту ручку об пол, посмотрел на меня с ненавистью и, как ошпаренный, выскочил из казармы. После чего сел в свою машину и укатил в неизвестном направлении. Мы с Бездаревым даже «до свидания» сказать не успели.

Никогда в жизни я так не радовался, как в момент отъезда «дяди Ромы».

Оргвыводы по пожару были такие:

Бездарев и Папан получили: по строгому выговору с занесением по партийной линии; и по предупреждению «о неполном служебном *совпадении*», как шутят в армии.

Ну а главное: на годовом подведении итогов, старейшинами был оглашен Указ об их награждении *Орденами Святого Ебукентия – Поджигателя*. Были вручены и, заботливо сделанные ордена. Бригадный святой на них держал в руках большой факел.

После пожара, на каких – то сборах в штабе армии в перерыве к нам с Папаном подошел наш бывший начпо Валерий Николаевич Запорожный. (Он хорошо относился к Папану и любил пошутить).

«Ну что, Андрей. Ты горишь синим пламенем, да ещё подкладываешь под себя секретную литературу!!!» - поприветствовал он Папана.

Второй свой орден, уже от государства, «Знак Почёта» Папан получил «за целину», где он был парторгом батальона.

Там произошел интересный случай, наглядно продемонстрировавший вред пьянства для организма.

Из-за отвратительной местной воды и общей антисанитарии, Папан заболел гепатитом. Да заболел нешуточно, его госпитализировали с высокой температурой и отвратительными анализами крови. С каждым днём ситуация с кровью только ухудшалась. Лейкоциты, эритроциты и прочие показатели крови были – хуже некуда.

Администрация госпиталя попросила у Папана домашний адрес (вызвать жену) и чуть ли не начала снимать с него мерку для гроба.

Настроение было паршивым, и окончательно его испортил ему лечащий врач. Он сообщил, что когда Папан поправится (тут доктор сделал многозначительную паузу) то ему минимум год нельзя будет и думать о спиртном, не то, что пить.

В общем, хоть ложись и помирай!

Сосед по палате предложил Папану ассиметричный ответ на это вызов судьбы. Выпить, как следует, всем чертям назло!!! Благо коньяк у соседа был.

Папан без раздумий согласился: «Пропадать – так с музыкой!»

Они очень хорошо провели вечер. Наутро у Папана опять взяли кровь на анализы. К вечеру в палату зашел врач: «Могу Вас поздравить. Впервые динамика анализов изменилась к лучшему!!!»

Обрадованный этим известием, Папан продолжил курс «неформального лечения» и его молодой организм победил заразу!!!

Самый большой успех имел подвиг Папана, вошедший в историю под названием:

«Встреча Члена».

При управлении нашего корпуса ПВО планировалось проведение собрания партийного актива по проблеме укрепления воинской дисциплины. На него приглашались все командиры и замполиты соединений, частей и подразделений корпуса. От нашей Бургундской бригады Никита Сергеич накануне вечером привёз целый автобус делегатов, среди них были и мы с Папаном. Никита всех строго – настрого предупредил о недопустимости даже малейшего употребления спиртного вечером и опоздания на собрание актива. Потом нас разместили по гостиницам, а мы с Папаном пошли на встречу к заждавшимся местным друзьям.

Встреча прошла на высочайшем уровне и на запрет Никиты Сергеича мы сразу же наплевали. Ночевали все в разных местах. Папан ночевал дома у родителей.

Наутро я прибыл, с огромного бодуна, в Дом офицеров на собрание актива. До начала оставалось минут 30 и меня сразу «выловил» Никита Сергеевич: «Где твой друг?» - поинтересовался он, с подозрением глядя на меня. Я заверил его, что только что видел Папана. «Курит, наверное» - сказал я Никите. Тот потребовал, чтобы я срочно нашел Папана и представил перед его очи. Пришлось уже мне скрываться от Никиты Сергеича, так как Папан почему-то отсутствовал. В конце концов, меня «поймал» заместитель Никиты - *Бабрак Кармаль* и чуть ли не за руку притащил к начпо. До начала собрания оставалось минут пять.

«Ты нашел своего друга?! Где он? Почему не выполнено моё приказание?!» - жестко «наехал» на меня Никита Сергеич. Пришлось нести ему откровенную ахинею, что я только что видел Папана и передал ему Никитину команду, но тот, видимо, найти нас в толпе не может.

«Ну, погодите. Я с вами после актива разберусь!» - зловеще пообещал Никита Сергеич. От дальнейших расспросов меня спас начальник политотдела корпуса, вышедший на трибуну и потребовавший от всех тишины.

«Дорогие товарищи!» - обратился он к переполненному залу. *«Мы готовы начать наше собрание. Рад вам доложить, что на наш партактив прибыл Член военного Совета Ленинградского военного округа, член ЦК КПСС, генерал – полковник Ретин! Он сейчас войдет в зал. Давайте поприветствуем его стоя аплодисментами!»*.

Все притихли, чувствуя важность момента и готовясь встретить Члена Военного совета аплодисментами. Двери парадного входа были прикрыты, стояла звенящая тишина...

Внезапно двери резко распахнулись от молодецкого удара ногой. Зал встал, однако вместо Члена на ковровую дорожку вышел... Папан. Даже издалека было видно, что он с тяжелейшего бодуна. Его китель был расстегнут, руки Папан держал в карманах.

Небритый Папан сделал несколько шагов в абсолютной тишине, глядя в зал отсутствующим взором.

Тут кто-то из наших бригадных шутников (кажется Назар Гудищев) заорал *«Папан!!»* и захохотал. Смех тут же охватил весь зал. Делегаты выкрикивали *«Папан, Папан!»*, смеялись и аплодировали.

Папан, стусевавшись от такой встречи, сел на свободное место, не дойдя до нашей делегации и изумлённо крутил башкой, не понимая, что происходит. В это время в зал, наконец-то вошел и настоящий Член.

Уж не знаю, как ему объяснили то, что он входил под смех и аплодисменты зала, приветствуемый криками *«Папан, Папан!!!»*. При виде Члена народ захлопал ещё сильнее, что слегка сгладило эффект произведенный *«явлением Папана народу»*.

Думаю, что если бы Папаня дошел до ряда, где сидела наша делегация, Никита Сергеич с Бабраком Кармалем убили бы его на месте. До перерыва они за 3 часа слегка остыли. Однако драли его так, что от Папана только перья летели. Досталось и мне *«за обман начальника политотдела»*...

Один мой хороший друг любил говорить о себе так: *«Я прошел большой путь от сперматозоида до майора!!!»*.

Путь Папана был куда более сложен и тернист во всех отношениях. К разгару горбачевской «перестройки» он разочаровался в армейской жизни и начал предпринимать отчаянные усилия, чтобы уволиться. В те времена это было очень непросто.

Он даже писал письма Первому съезду народных депутатов с просьбой помочь и приезжал в Москву для того, чтобы их вручить народным избранникам. Письма, впрочем, остались без ответа, но из армии Папана, с грехом пополам, уволили. Встал вопрос квартиры и работы.

2-х комнатная «хрущёба» которую он имел в гарнизоне у деревеньки Кёрстово в 20 км от Кингисеппа восторга не вызывала, да и перспективы трудоустройства были более чем туманные. Я как раз приехал в отпуск из академии и Папан поделился со мной планом организации бизнеса по расписыванию керамической плитки совместно с какими – то кингисеппскими братками. Пришлось поднять его на смех с этой затеей.

Для начала, я предложил ему составить компанию в процессе постановки на учет в квартирную очередь. (По советским законам, ему, как призывавшемуся из Ленинграда, должны были в нём же предоставить квартиру).

Прибыв в Красносельский райисполком, мы были поражены обилием народа и нервными нескончаемыми очередями во все кабинеты. Понять что либо было невозможно, попытки пообщаться с работниками наткнулись на презрительные отказы. В конце концов, мы обнаружили тумбу на которой были вывешены списки очередников, получивших квартиры в минувшем году и с интересом их изучили. Там были представлены списки инвалидов, многодетных матерей, афганцев, чернобыльцев, беженцев и т.д. и т.п. Не было только списка «осчастливленных» офицеров запаса. Сделав это открытие, мы вышли на улицу перекурить и осмыслить ситуацию. Возникла идея выпить для снятия стресса. Мы купили две бутылки портвейна и тут же выпили первую, «в скверу, где детские грибочки».

Это активизировало мыслительные процессы и я вспомнил, что в Красносельском райкоме партии работает мой хороший приятель по комсомольской деятельности Боря Думаев.

Приняв еще грамм по 200 из второй бутылки, мы решили попытаться его найти, т.к. все его старые телефоны я потерял. Благо, райком и райисполком находились в одном здании. Это удалось на удивление легко. Дежурный милиционер, узнав к кому мы пришли, позвонил Боре и через 2 минуты мы были в его кабинете.

После тёплой встречи с Борей, я представил ему Папана: *«Мой друг Андрей, он теперь – ЖОРА!»*

«Почему «Жора»?!» – удивился Боря.

«Жертва Одностороннего Разоружения!!!» - объяснил я ему аббревиатуру новомодной хохмочки.

Потом я немедленно предложил Боре выпить за нашу встречу, мы разлили оставшийся портвейн и, в завязавшейся беседе, изложили Папанины проблемы с жильём и работой.

Боря тут же предложил Папану место инструктора в своём отделе. За это выпили ещё, и тут Боря вспомнил: *«Ты Диму Муравьёва помнишь?»*

Конечно, я помнил бывшего первого секретаря райкома комсомола. О нём надо сказать пару слов.

Добрейшей души человек, умница, эрудит Дима производил впечатление инопланетянина. Мы его называли *«Кремлёвский мечтатель»*. У него был один недостаток: Дима совершенно не умел читать доклады, что было необходимо ему по должности. Каждый раз, когда Дима читал какой-нибудь доклад, аудитория хохотала почти непрерывно.

«Он мне сегодня звонил, ему нужен хороший человек для работы в Леноблсполкоме» - сказал Боря. Я заверил его, что лучшей кандидатуры. Чем ЖОРА – Папаня Диме не найти.

Тут же созвонились с Димой и договорились о встрече завтра в 10.00, в здании на ПДП (Площади Диктатуры Пролетариата, так она тогда называлась). Рядом с Лениблисполкомом находился Дом Политпросвещения. Про него была присказка тогда : «ДПП на ПДП»).

Мы расстались с Борей в самых лучших чувствах.

«Процесс прошел», как говаривал тогда Горби. Выпив на радостях еще бутылочку портвейна, отправились по домам. Я строго наказал Папану завтра быть в костюме и прилично выглядеть, не опаздывать на судьбоносную встречу.

Я дежурил у облисполкома с пол - десятого... Папан, в лучших традициях, приехал с 15-минутным опозданием, небритый и без галстука. Галстук нашелся в его «Жигулях».

Прибыв к Диме, я представил ему ЖОРУ – Папана уже лично, всячески расписав его достоинства. Побеседовав с Папаном, Дима вдруг попросил меня выйти в коридор.

«Слушай, а он не сильно поддаёт?» - задал Дима сакраментальный вопрос. Я его заверил в Папиной непримиримости к пьянству. Очевидные признаки Папанина бодуна я объяснил нашей вчерашней встречей и взял вину на себя. «Ну ладно, берем ЖОРУ!» - принял Дима решение.

Папан проработал в исполкоме полтора года, успев получить отличную квартиру. Его мятежный дух не выносил трудовой дисциплины, и он ушел оттуда «по собственному желанию». На освободившееся вакантное папанино место претендовали два генерала, которые чуть не подрались в ходе борьбы...

Папан успел поменять множество мест, профессий и должностей после этого: начальник картинной галереи, «независимый» художник, компаньон коммерсанта, офицер пожарного училища, сотрудник органов МВД, вольный «бомбила», охранник и снова художник. Он нигде не теряет оптимизма и бодрости духа, комментируя все превратности судьбы с «шутками и прибаутками».

К его 50-ти летнему юбилею друзья написали Папану величальную оду, фрагментом из которой будет завершена посвященная ему глава:

«Обойди весь белый свет –

Никого «улётней» нет:

Нашего Папана!

И со школьной со скамьи

Мы страдаем от любви

К нашему Папану!

С детства Родину любить

Сильно начали учить

Нашего Папана.

Преуспевши быстро в том

Знатный стал пропагандист -
Наш родной Папаня.
Вереницей славных дел
Был сражен политотдел
Нашего Папана.
И всех тех, кто рядом рос
Поражает «полморсос»
Нашего Папана
МВД и ПВО
Долго помнили его
Нашего Папана.
Он пожарник – портретист,
Ас - водитель и таксист
Наш родной Папаня.
Потрясённое ГАИ
Помнят подвиги твои
Дорогой Папаня.
И затейник он во всём,
Планов бродит миллион
В голове Папани.
Знай же, друг: в кругу друзей
Жизнь проходит веселей,
С нами будет слаще.
Ну а мы с тобой всегда
Быть готовы – иногда,
А порой и чаще.
Проживи, хоть сотню лет,
Никого роднее нет
Нашего Папана!
Будь же рядом с нами, друг,
Мы – вращаемся вокруг
Нашего Папана!!!»